

Очерк 4

Историко-этнографические и лингвистические исследования XIX в. и их влияние на эволюцию представлений о «едином русском народе»: история племенных классификаций и научная аргументация

Начиная с 1840-х гг. все более актуальной становилась проблема этнической идентификации «отделов» («отраслей» или «поколений») русского народа — в связи с важной для империй каталогизацией (часто этот процесс именуют государственно-экономической «инвентаризацией») ресурсов и населения, что требовало одновременно выстраивания разного рода классификаций — конфессиональной, этнической, экономико-правовой и сословной. Однако при отсутствии в тезаурусе российской науки понятия «этнос» на этапе формирования новых научных и изменения прежних социальных таксономий терминологическое определение трех русских групп было непростой задачей. Основным критерием принадлежности оставался язык (великорусский, малорусский, белорусский), именовавшийся «наречием» языка русского. Важным фактором выступал территориальный ареал — «местообитание» индивида или группы. Самоопределение учитывалось только в одном аспекте — в использовании эндонима или регионима. Так или иначе, не собственная идентификация, а внешнее, «объективное», научно аргументированное отнесение в сложных случаях считалось единственно верным.

Задачи масштабного описания пространства Российской империи и ее жителей, остро вставшие в середине столетия, не могли быть осуществлены без привлечения авторитета и методов науки. Создание в 1845 г. Императорского Русского географического общества с отделением этнографии в его структуре знаменовало соединение и совпадение интересов власти и науки в этом процессе. Именно практические и политические цели можно рассматривать как главную мотивацию различных исследований восточных славян во второй половине столетия. Процесс идентификации — этнокультурной, национальной, имперской, вероятно, доминировал как на уровне индивидуального и общественного сознания, так и в деятельности интеллектуальной и социальной элиты страны.

Пространство России: вариации составной хоронимики

В исторических сочинениях первой половины XIX в. определение границ Великой России отчетливо проявилось также в трудах, связанных с историей Малороссии, — для выявления этапов и форм складывания различий (политических, этнографических, культурных) этих двух регионов. Однако в научных работах по русской истории преобладали термины «русский» и «российский». Поэтому весьма трудно однозначно определить точное содержание понятия, ведь прилагательное «русский» постоянно использовалось в значении государственной принадлежности как тождественное определению «российский». Символическим примером можно считать переход от понятий «российская история» или «история российского государства» к таким наименованиям трудов по истории Отечества, как «история русского народа» или «русская история». Слово «русский» в этих текстах применялось не столько в качестве этнонима, сколько в качестве политонима или этнохоронима. Например, историк С.М. Соловьев связывал границы Малой и Великой Руси с речными системами, определившими и пределы княжеств на раннем этапе

истории Руси: «Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская»¹. В период раздробленности они стали, соответственно, центрами притяжения Новгородского, Полоцкого Киевского и Владимиро-Суздальского княжеств. Историк рассматривал также «три главные части Руси» — «Великую, Малую и Белую России» как области Волги, Днепра и Двины². Он заключал, что именно такое тяготение к речным областям сделало неизбежным объединение «трех России» в единое государство: «Историческое деление русской государственной области на части условливается отдельными речными системами; ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области, ... а естественно меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству»³.

В.О. Ключевский, рассматривая возникновение терминов «Великая» и «Малая» Русь, именует их «этнографическими частями» Русской земли как геополитической территории и считает их своеобразие следствием миграционных (колониционных) процессов, когда население из речной полосы Днепра — Волхова перемещалось на запад и северо-восток (Верхняя Волга), поэтому Верхневолжская Русь зачастую выступает у него как синоним Великой Руси⁴. Последовавший за этим обратный «отлив» славянского населения в Поднепровье привел к именованию его «Малой Русью», а верхневолжского региона — «Великой Русью».

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Кн. I. Т. 1. М., 1988. С. 59.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция II // Ключевский В.О. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1987–1990. Т. I. М., 1987. С. 52.

Хорошо зная труды В.Н. Татищева, Ключевский не задавался вопросом о соотношении наименований Белая, Великая и Московская Русь, для него Великороссия — ядро Владимиро-Суздальской Руси.

Для обоих историков — Ключевского и Соловьева — бесспорно, что малорусское и великорусское племена — ветви русского народа⁵; но в отличие от Костомарова они связывали разделение на две «отрасли» в этнографическом отношении прежде всего с природными и антропологическими факторами, а именно — со славяно-финской метисацией в великорусском регионе и с изменившимися географическими условиями бытования переселенцев с юга⁶. Ключевский, кроме того, отмечает в качестве одной из причин, замедляющих процесс развития великороссов, неблагоприятность этнокультурного окружения (страна «ненасиженная и нетронутая», без житейских приспособлений и культурных преданий прошлого)⁷.

Как Соловьев, так и Ключевский утверждали, что племенная и политическая консолидация идут здесь рука об руку и объединение Великороссии в единое целое вызвано формированием государства. Поэтому понятие «Великая Русь» выступает как тождественное политонимам «Московская Русь» (Ключевский) или «Северо-Восточные княжества» (Соловьев). Регион сосредоточения «главной массы русского населения» (то есть великороссов) определяет периодизацию: Ключевский выделяет четыре периода русской истории, в каждом из которых доминировали разные государственно-политические центры: днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский⁸.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 25; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVI // Ключевский В.О. Собр. соч. В 9-ти т. Т. I. С. 289; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII // Там же. С. 295.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн. Кн. VII. С. 25; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 296.

⁷ Там же. Лекция I. С. 48.

⁸ Там же. С. 50–53.

Это является аргументом концепции исторической преемственности русской государственности и племенной непрерывности. Великорусский этап историк ограничивает XIII — серединой XV в., когда главная масса русского населения обитала на верхней Волге с притоками, формой правления являлось «удельное дробление верхневолжской Руси под властью князей», а экономической спецификой был вольный крестьянский труд. «Великорусский период», по Ключевскому, охватывает отрезок от середины XV в. до 1620-х гг., когда основная масса населения «растекается» из области Верхней Волги на юг и восток, «образуя особую ветвь народа — Великороссию». И это великорусское племя «впервые соединяется в одно политическое целое под властью Московского государства», а в экономике заметно стеснение вольного крестьянского труда «по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия». «Это Русь Великая, Московская, царско-боярская»⁹, которую сменяет всероссийский период политического собирания и объединения всех частей русской народности под одной властью.

Следует упомянуть еще одну группу текстов, в которых рассматривался вопрос о происхождении хоронимических наименований, непосредственно связанных с гипотезами о возникновении понятий, хотя их авторы стремились прежде всего определить датировку и территориальный состав не Великой, а Малой и Белой Руси / России. Это статьи ученых XIX в. (хорошо известные и часто цитируемые современными историками), к которым, как правило, сегодня обращаются как к первым научным трактовкам проблемы колористических и дуалистических наименований Руси / России. Однако этих авторов более интересовали происхождение названия «Белой Руси» / России, первые его письменные упоминания, а также средневековые и более поздние представления о Белой как одной из пяти Росий (Белой, Красной, Черной и Великой, Малой)

⁹ Ключевский В.О. Там же. Лекция I. С. 51–52.

у западноевропейских и славянских описателей. Причем эти вопросы ограничивались периодом до XVIII в. Конечно, не могли обойти вопрос о Малой Руси / России те, кто занимался историей взаимоотношений Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси. Так, М.А. Максимович издал небольшую заметку, в которой, приводя цитаты из источников, доказывал, что «своенародные имена: Русь, русский начали заменять, по греческому произношению их, именами Россия, Российский» применительно к западнорусским областям, что они появляются много ранее присоединения их к Великой / Московской России — в 1590-х гг. — и активно функционируют в книжных изданиях и рукописях первой трети XVII в.¹⁰

В 1890-х гг. исследователи обращались в первую очередь к проблеме трактовки названий Великая и Белая Русь, столь актуальной для исторических и географических трудов XVIII в. Определяя дефиниции и время происхождения наименований, а также реконструируя границы Белой Руси / Великой Руси, они опирались на средневековые источники. Лингвист А.А. Потебня подчеркивал, что значения «Россий» в разных традициях наименований не совпадали, самым известным примером он считал название Белой Россией земель, соотносимых с Московским государством (в российской традиции с конца XVIII в. отождествляемых с Великой Россией), а Черной — Руси, вошедшей в состав польского государства, — в польских хорографических описаниях XVI–XVII вв.¹¹ Потебню, как и Татищева, более интересовали мифологические и символические трактовки определения «белый» (свободный,

¹⁰ Максимович М.А. О названии Киевской Руси Россией // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 1. С. 5–9.

¹¹ Потебня А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Т. 1. Вып. III. Отдел I. С. 117–128; Ламанский В.И. «Белая Русь» // Живая старина. 1891. Т. I. Вып. III. Отдел V. С. 245–250; Белая Русь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В 82-х т. (86 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. V. СПб., 1891. С. 173–174; Грушевський М. С. Велика, Мала і Біла Русь // Україна. Київ, 1917. Кн. 1/2. С. 7–19.

вольный, незавоеванный, по цвету одежд и т. п.)¹². Этнограф-славист В.И. Ламанский в том же номере журнала «Живая старина» возводил возникновение регионимов к политониму «Русь, Россия» в XIV в., когда его, наряду со словосочетанием «Малая Русь», можно обнаружить в грамоте, выданной Юрию Галицкому, а также в хрониках (в частности, Яна Чарнковского), где упоминается *Albae Russiae*¹³; при этом у Ламанского не вызывала сомнений общеупотребительность данного понятия, появившегося много раньше и соотносимого с территорией Литовской Руси еще Гедиминова века. Подобно Татищеву и Потебне, историк был убежден, что «когда под Белой Русью понимали Русь сильную и независимую, то подразумевали не Белую Русь в собственном смысле, а русскую северо-восточную, Московскую»; в доказательство Ламанский приводит титул Ивана III — *dux Albae Russiae*¹⁴. Таким образом, резюмировал автор, «Белая Русь настоящая получила свое название не за вольности и независимость, которой не имела ни в XIV, ни в XIII вв., а по иной какой-либо причине», и европейцы подразумевали под *Wissen Russen* именно Белую Русь¹⁵. Появление понятия «Великая Русь» для обозначения отличных от «малорусских» православных епископий В.И. Ламанский относит к тому же периоду («даже в конце XIII в.»). Эти епископии соотносились с церковью тех земель, которые признавали верховную власть Московского князя. Доказательством Ламанский считает известную грамоту (1347) императора Иоанна Кантакузина князю Владимиро-Волынскому, в которой упомянуты Малая и Великая Русь, а Белая не включена в перечень не потому, что не имела собственного названия, а потому, что главной темой письма был вопрос о подчинении волынских епископов митрополиту Киевскому, который тог-

¹² Потебня А. Этимологические заметки.

¹³ Ламанский В.И. «Белая Русь». С. 245, 248.

¹⁴ Там же. С. 247.

¹⁵ Там же. С. 248.

да жил в Великой Руси. Впрочем, Ламанский признавал тот исторический факт, что изредка Белую Русь включали в состав Великой. Наименование «Великая Русь» относили, по мнению слависта, к той Руси, которая имела у себя Великого князя всея Руси и других князей Рюриковичей. Оно использовалось и как политоним — для определения державы или земли Новгородской, области Великого Новгорода¹⁶. Историк не был уверен в том, какие именно значения лексемы «великий» вкладывались в титулатуру Великого князя — прямой смысл (величина, обширность владений) или историко-номенклатурное соотнесение (по именованным некогда «великими» владениям Новгородского княжества). Однако этноним «русские» (в значении «великорусы») не вызывает сомнений у Ламанского. Он убежден, что первыми «русскими» были именно новгородцы, жители Северной Руси (окающей) и только позже определение «русские» перешло на обитателей Северо-Восточной («акающей») Руси.

Некоторые из этих гипотез были включены в статью «Белая Русь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹⁷. В ней Белая Русь соотносится с русскими землями в ареале «между реками Днепром, Двиной и Друтью», а название возводится к тому же ряду переносных значений (благородный, вольный, чистый, независимый и т. п.). Автор статьи склоняется к гипотезе о взаимосвязи определения «Белая» с белым цветом, связывая его появление с языковым заимствованием от монголов (которые активно использовали колористическую хоронимику) в период монгольского ига, и упоминает об отождествлении Белой Руси с землями Владимиро-Суздальской Руси, хотя оговаривается, что само наименование «Белая Русь» появляется позже иных — не ранее титулатуры Ивана III, о чем писал еще Н.М. Карамзин¹⁸.

¹⁶ Ламанский В.И. «Белая Русь». С. 249.

¹⁷ Белая Русь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. V (п/т. 9). С. 173–174.

¹⁸ Там же. С. 174.

Процесс структурирования русского пространства нашел отражение в одном из важнейших аспектов символической репрезентации имперской государственности — геральдике, и прежде всего в разработке концепции Большого Государственного Герба Российской империи. Важно подчеркнуть, что его создание относится к 1860-м — 1880-м гг. В первом варианте (1857) был сохранен структурный принцип, восходивший к титулатуре Ивана Грозного, а в визуальном воплощении — к его гербовой печати: вокруг двуглавого орла располагались гербы территорий, входящих в состав Московского государства. На Большом гербе на груди орла располагался щит с гербом Москвы (св. Георгий на коне, поражающий копьём змея). Окончательный вариант Большого герба был утвержден в 1882 г.¹⁹

В верхней части по дуге окружности помещались шесть щитов (три — слева и три — справа) с соединенными гербами княжеств и областей, вошедших на разных исторических этапах в состав Московского княжества. Первый щит состоит из девяти частей, в каждой из которых — герб одной из *областей и княжеств великороссийских*: Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Нижегородский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский. На втором щите — соединенные гербы *юго-западных* княжеств и областей. Их три: Волынский, Подольский, Черниговский. Первый щит находится слева от центра, второй — справа, что призвано обозначить их статус в иерархии групп княжеств и областей. Как видим, в таком важнейшем историко-политическом символе, как герб, к великороссийскому ареалу отнесены не губернии, а некогда имевшие статус княжества и области, бóльшая часть которых территориально не идентична рассмотренному выше пространству великороссийского ядра: только Тверская, Нижегородская, Рязанская, Ростовская и Ярославская губернии входят в него бесспорно. Псковская и Белозерская на севере, Югорская и Удорская (часть Перм-

¹⁹ Изображение этого герба помещено на обложке книги.

ской земли, некогда принадлежавшая Новгородскому княжеству и вместе с ним вошедшая в состав Московского государства) на северо-востоке и Смоленская на западе, как было показано выше, чаще не попадают в состав этногеографического ядра.

Третий щит (в малом щите Великого Княжества Литовского) состоит из пяти гербов *белорусских и литовских* областей и княжеств (Белостокского, Самогитского, Полоцкого, Витебского, Мстиславского). Четвертый щит с гербами четырех прибалтийских областей (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Семигалии в одной части, и «Корелии»). В пятом помещены гербы северо-восточных областей в малом Пермском гербе: Вятский, Болгарский, Обдорский, Кондийский. Шестой щит — герб Туркестанский²⁰.

Еще девять щитов, увенчанных коронами, — по окружности вокруг центрального изображения. На них гербы *царств*, вошедших в состав Империи, идущие слева направо (без соблюдения последовательности присоединения). Первые шесть — гербы Казанский, Астраханский, Польский, Сибирский, Херсонес Таврический, Грузинский; восьмой — Герб Великого Княжества Финляндского; девятый — родовой герб Романовых. На седьмом щите соединены гербы княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского²¹. Именно этот, седьмой, щит, объединяя три некогда русских великих княжества в единое целое и задавая ему статус *царства*, демонстрирует, с одной стороны, политическое и историческое единство трех важнейших элементов исторической русской государственности в виде Новгородского, Киевского и Владимиро-Суздальского княжеств (последовательность которых указывала на смену государственно-политических центров русского племени), а с другой, их конечное соединение под одним скипетром. Герб Московского княжества, помещенный в центр Боль-

²⁰ Винклер фон, П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. С. 20.

²¹ Там же.

шого Герба, знаменует политическую гегемонию Москвы в объединительном процессе — ведь номинально, в административно-географическом отношении, она является частью Владимирского княжества. Герб, как видим, являлся прежде всего зримым символическим воплощением императорского титула²², полностью соответствуя всем вербальным элементам царской титулатуры. Современные исследователи отмечают логическую нестройность и непоследовательность элементов императорского титула и герба, объясняя их в том числе «барочной поэтикой» текста²³; однако, на наш взгляд, не совсем верно считать принципы включения земель в императорский титул «неясными или произвольными»²⁴: они опираются на традицию и формулы XVI–XVIII вв., и некоторые закономерности прослеживаются вполне отчетливо.

Так, иерархия и состав историко-политических элементов в структуре герба не полностью соответствуют представлениям об этногеографическом ядре, внутренней России и составе Великой России, что свидетельствует, во-первых, о незавершенности и противоречивости процес-

²² «Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и вся северная страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая» (Часть первая. Глава шестая. Ст. 59 // Свод законов Российской империи. В 16-ти т. и 5-ти кн. СПб., 1912. Т. 1. С. 4–5).

²³ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации и культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 6–12.

²⁴ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 47.

са формирования этих представлений в различных (научном, политическом, правовом и историческом) дискурсах, а во-вторых, о неудачности избранного административно-губернского и тем более — экономико-зонального членения пространства, последовательно доминировавших в репрезентациях Российской империи и в общественном сознании образованных слоев.

Этнографические исследования трех «поколений народа русского»

На начальном этапе описаний (в единстве или по «ветвям») русского народа господствовали представления о предмете и методах народоведения, согласно которым самоидентификация этнических групп полностью игнорировалась — объективно-научной признавалась только внешняя идентификация, опиравшаяся на позицию наблюдателя / исследователя / интервьюера. Еще одна особенность народоведческого дискурса XIX в. была обусловлена методами описания этнических Других: характеристики родственных этнических групп всегда давались в сравнении. Это повлияло на принцип выявления этноспецифических черт через соотнесение с известным, знакомым, а также через фиксацию отличительных свойств с помощью сопоставления племен / народов по перечню внешних, а не функциональных признаков. При этом обнаружение различий, индивидуальных особенностей было обязательным в компаративистских штудиях этнографического характера²⁵. Подавляющее большинство описаний как великорусов, так и малорусов, а также их идентификация наблюдателем осуществлялись прежде всего на основании сравнения двух «русских племен» (исключая белорусов), несмотря на то, что очерки быта, нрава и физического типа народов Империи в научной, учебной,

²⁵ Подр. об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 66–70.

популярной литературе могли быть представлены как вместе (в одном очерке), так и по отдельности. Поэтому так называемые *племена / поколения / отрасли / ветви*²⁶ русского (то есть восточнославянского) народа описывались всегда в сопоставлении. В очерках о малорусах и великорусах, особенно после программной статьи (1847) Н.И. Надеждина²⁷, компаративность была методологически стандартизована — только так выявлялись специфические особенности облика, быта, нравов, а также языка и мышления этих двух «оттенков» русского народа. Процессы концептуализации понятий «великоросс / великорус» и «малоросс / малорус» проходили не только синхронно, но и в тесном взаимодействии друг с другом, поскольку понятия осмысливались и формулировались в рамках теории «единой русской нации», обладающей «оттенками», своеобразии которых — в соответствии с господствовавшими в науке теориями антропогеографии — складывалось в первую очередь под влиянием природно-климатических различий. В этногеографическом дискурсе эпохи такая корреляция доминировала как главный дескриптивный принцип.

В историографии конца XIX в. образование прилагательного «южнорусский» и этнонима «южнорусс» не соотносили ни с наименованием наречия / языка, ни с регионом Южная Русь, — их происхождение рассматривалось как ненаучное / ненормативное. Так, в программной для русской этнографии статье (1892) для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Д.Н. Анучин во фрагменте, посвященном интерпретации Н.М. Костомаровым двух русских народностей, выдвигал предположение, что этноним «южноруссь» возник позже топонимических этнонимов «малороссияне» и «малорусь». Анучин не сомневался в том, что этноним «южноруссь» появился как альтернатива

²⁶ Понятия, которые использовались в научной литературе для классификации групп, составляющих триединый русский народ.

²⁷ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 61–115.

определениям «малороссияне» и «малоруссы» в творчестве малороссийских деятелей и имеет патриотически-идеологическую мотивацию. Анучин писал: «Название “южноруссы”, введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о “малости” или “великости”, ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южнорусских славянских племен»²⁸.

Сам же Анучин, следуя в этом вопросе за Н.И. Надеждиным, относит возникновение определений «великороссияне» / «малороссияне» к появлению пары Великая и Малая Россия (то есть к XVII в.), подчеркивая, что «различие между “велико-” и “малороссиянами” сделалось общепринятым в книжной литературе и образованном обществе, но именно в этой форме, а не в форме “мало-руссы” и “великоруссы”»²⁹. Последние именованья Анучин, напротив, считал совсем новыми, относя к 1850-м — 1860-м гг. — «отчасти вследствие оставления вообще искусственного и высокопарного имени “россияне”, а отчасти и по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то “северно-” и “южно-руссы”, то “велико-” и “мало-руссы”»³⁰. Действительно, появление этой пары в двух вариациях (с корнями *росс-* и *русс-*) соотносится с серединой столетия. Они, как правило, фигурируют в трех вариантах в одних и тех же текстах, но налицо тенденция к весьма кратковременному бытованию определений «великороссе» / «малороссе». Филологи могли бы точнее описать ход эволюции этих лингвонимов; отметим лишь, что преобразование

²⁸ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892 (автор — Д. Анучин). С. 829.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

шло, вероятно, от корня «росс-» к корню «русс-» — по аналогии с процессами более раннего периода³¹.

Первые два тома (1890–1891) четырехтомного труда А.Н. Пыпина по истории русской этнографии имеют подзаголовок «Этнография великорусская»³², однако в самом тексте отчетливо преобладает определение «русский». Показательно, что прилагательное «великорусский» появляется только в десятой главе, в которую включен параграф «Начало малорусской этнографии», где говорится о сопоставлении «великорусского и малорусского племен в их взаимном отношении»³³ в научных изысканиях 1840-х гг. В третьем томе, полностью посвященном малорусской этнографии, А.Н. Пыпин использовал понятия «южнорусский» и «севернорусский» для обозначения своеобразия «малоросской народности», не отрицая, впрочем, концепции о триединстве русского народа. Он писал: «Русская по своей глубочайшей основе, она целые века прожила отдельно от другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихией русского мира; и те особенности этнографические, которые можно угадывать еще в древнем характере южно-русского племени сравнительно с северным, развились под влиянием истории в такие своеобразные формы, которые бросались в глаза самому народу и резко отличили “хохла” от “москаля”»³⁴. Формирование различий русского «севера» (Великороссии) и «юга» (Южнороссии, Малорос-

³¹ Они освещались, в частности, в статьях А. Грищенко: *Грищенко А. Сочетаемость атрибутов «русский» и «российский» по данным Среднерусского корпуса (XV–XVII вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013. № 3 (53). С. 41–42; Grishchenko A. Rus' — Rossiia, and russkie — rossiane, and russkii — rossiiskii in the Catalogue of the Kievan Metropolitans by St. Demetrius of Rostov // Slovene. 2014. № 1. P. 102–119; Грищенко А. К новейшей истории слова *россияне* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 119–139.*

³² *Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4-х т. СПб., 1890–1892. Т. 1–2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1890.*

³³ Там же. С. 375.

³⁴ *Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 1.*

сии) историк на основании заключений существующей историографии связывал с их политическим разделением в XIV в., к этому же периоду он относил складывание особенностей языка и, как следствие, этнических групп³⁵.

В созданном в конце XIX в. антропологическом очерке И.А. Пантюхова северо-русами («северо-русский тип») именуется представители великорусского племени на длительном историческом промежутке³⁶, а в очерках 1920-х гг. М.Н. Покровского мы обнаруживаем определение «северно-руссы» применительно к племенным восточнославянским образованиям в описании колонизационных процессов в землях Северо-Восточной Руси. Под «северно-русами» историк подразумевал «кривичей и словен», которые, ранее смешавшись с варягами, начали освоение этих земель с севера. Они создали города Ростов и Суздаль и, сделав их опорными пунктами дальнейшей колонизации, направились на юг. Там они оказались соперниками «восточно-руссов» (вятичей). Потомками первых Покровский считал суздальцев, потомками вторых — рязанцев³⁷. «Таким образом на пространстве меж верхней Волгой и Окою создалось сплошное русское население»³⁸, — резюмировал он.

Вплоть до 1880-х гг. безусловно доминирует дериват от «великороссияне» — прилагательное «великороссийский», которое, однако, использовалось (в народоописательной — подчеркнем! — литературе) для определения в первую очередь проявлений нематериальных примет народности и (реже) особенностей нрава. В текстах до 1850-х гг. нам не

³⁵ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. С. 308, 382.

³⁶ *Пантюхов И.А.* Северо-русский тип. В: *Пантюхов И.А.* Значение антропологических типов в русской истории // *Русская расовая теория. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В.Б. Авдеева.* В 2-х вып. М., 2004. Вып. 2. С. 313–360.

³⁷ *Покровский М.Н.* Низовская колонизация Севера // *Покровский М.Н.* Прошлое Русского севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 22–23.

³⁸ Там же. С. 22.

удалось найти определения «великоросский» / «великорусский» при описании различий в быте или обрядности; и вплоть до конца столетия данное прилагательное гораздо чаще использовалось в этнографических очерках для характеристики быта, фольклора и нрава, то есть сферой его бытования были описания так называемой «духовной культуры». Оба прилагательных — и «великороссийский», и «малороссийский» — фиксировали этнокультурное своеобразие фольклора (малороссийские песни, думы, эпопеи), словесности (великороссийские песни, стихи, книги, мелодии, грамота), языка / наречия (малороссийское или великороссийское наречие, речь, слова, говоры и т. п.), различных литературных жанров (малороссийская литература) и значительно реже использовались в очерках материальной культуры, хозяйственных занятий, быта.

Абсолютно доминировавший в этногеографических описаниях 1860-х — 1890-х гг. Великороссии и великорусов этноним «великорусс» (всегда с двумя «с») и его производные не исключали, однако, использования в тех же самых текстах понятия «великоросс» — часто в качестве единицы официальной номенклатуры народов Российской империи или в заглавиях очерков, репрезентирующих данную группу в масштабных общеимперских проектах.

Гораздо более трудным является вопрос о соотношении понятий «русский» и «великорус» в период (последняя треть столетия) доминирования определения «великорус». В анализируемых нами источниках с 1880-х гг. заметна, с одной стороны, тенденция к синонимизации данных значений, а с другой, понятие «русские» активно используется в качестве названия российского народа как нации, а не как этноса. Противоречивость словоупотребления отмечалась деятелями образования и культуры. Красноречивая иллюстрация содержится в критическом отзыве одной из известных деятелей народного просвещения А.М. Калмыковой (в те годы — учительницы грамоты в Харькове) на серию популярных брошюр для солдатского и народного чтения в издании «Мирского вестника» (1871–1880), посвя-

щенных этногеографическим описаниям различных регионов Российской империи. Возмущаясь призывами авторов к необходимости обрусения (в частности, Прибалтийского края), она пишет: «Слишком часто забывают у нас о том, что в смысле этнографическом словом *русский* обозначается всякий человек русского происхождения, т. е. великоросс, малоросс и белорус; но слово *русский* существует и в смысле политическом, и в этом смысле обозначает всех подданных Русского государства, к какой бы национальности они ни принадлежали...»³⁹.

Проблемы формирования антропологической специфики трех составных частей русского народа

Стереотипным для народоописаний, начиная с 1840-х гг. и вплоть до конца столетия, становится утверждение о бесспорном отсутствии славянской «чистоты» антропологического облика и у великорусов, и у малорусов (в отличие от белорусов): «Славянский тип русского народа подвергся изменению, благодаря влиянию местностей и соседей, и дошел, наконец, до того, что ... великорусское племя стало... отличаться от малорусского, ... но воздействие племен чуждых на образование народа русского типа несомненно. Русские этнологи никогда не отрицали смешанного происхождения господствующей расы Империи»⁴⁰. В этнографическом очерке о великорусах конца столетия также отмечена «большая примесь инородческой крови в жилах великорусской народности», в составе которой «преобладает примесь финнов, затем тюрков»⁴¹.

³⁹ VI. Отдел географический // *Алчевская Х.Д.* Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. В 3-х т. СПб.; М., 1884–1906. Т. 1. СПб., 1884. С. 11 (в каждом из отделов своя пагинация).

⁴⁰ *Кюн К.* Народы России. СПб., 1888. С. 6.

⁴¹ Народы России. Общий очерк // Народы Земли. Географические очерки жизни человека на Земле / Под ред. А. Острогорского. В 3-х кн., 4-х т. СПб., 1901–1903. Кн. 3. Т. 4. Россия. СПб., 1903 (автор — *Н. Березин*). С. 4.

Если в жилах великорусов течет финская кровь, то малорусы несут в себе явные черты и свойства «кавказцев» или «азиатцев»⁴². Влияние «азиатской крови» на антропологический тип малорусов, то есть их смешение с племенами азиатского происхождения», не подлежало сомнению. Н.И. Надеждин писал, что в «казачестве» многое «отзывается чистой Азией»⁴³. М.А. Максимович вслед за многими современниками усматривал в малороссах влияние «типа азиатцев», выразившееся в необузданной дикости и жажде набегов⁴⁴. А.С. Афанасьев-Чужбинский не отвергал мнения об «азиатском» воздействии на антропологический малороссийский тип, однако полагал, что на народном характере оно почти не отразилось⁴⁵. Впрочем, определения «азиаты» и «азиатский» в антропологическом отношении понимались весьма широко. В частности, А.С. Афанасьев-Чужбинский именовал так лишь «обитателей Кавказа», а для М.А. Максимовича «азиаты» синонимичны «тюнкам»⁴⁶. Таким образом, считалось, что процесс метисации и у малорусов, и у великорусов происходил еще на раннем этапе этногенеза: «Следы исторических скрещиваний во времена очень отдаленные, южнорусского народа с печенегами и хозарами, с тюрками, берендеями и черными клобуками, с горскими ногаями и татарами» привели к тому, что среди малорусов можно встретить «совершенно татарские типы»⁴⁷. Племенное своеобразие

⁴² Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 7; Чужбинский П.П. Малоруссы (статистика, сельский быт, язык) // Чужбинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. В 7-ми т. СПб., 1877–1878. Т. 7. СПб., 1877. С. 345.

⁴³ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 80.

⁴⁴ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 440.

⁴⁵ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. Ч. 1. С. 7.

⁴⁶ Подробнее об этом: Александровский И.С., Лескинен М.В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 172–243.

⁴⁷ Очерк I. Малороссийское племя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом

малорусов и великорусов объяснялось именно наличием разных этнических «примесей»: финской — у русских «северян» и «татарской», «турецкой» или «тюркской» — у русских «южан»⁴⁸. Антрополог И.А. Пантюхов подчеркивал важность физического слияния с неславянами в процессе формирования различий великорусского и малорусского этнографических типов. При этом он шел намного дальше Н.И. Костомарова и утверждал, что физическими отличиями обусловлены особенности менталитета, характера, отношения к власти, форм общественного устройства и политических образцов⁴⁹.

Впрочем, и в начале XX столетия в статье об этническом составе России подчеркивалось, что хотя в крови великорусов течет кровь финно-угров и татар, однако «крупные расхождения и различия» между «хохлом и москалем» определила не она, а «главным образом иная, скудная почвою природа и вызванные ею особенности в быте, занятиях и промыслах, равно как и различие в исторической судьбе после татарского погрома»⁵⁰.

Оценка результата осуществленного племенного объединения / слияния зависела в основном от того, как соответствующий автор относился к расовой и антропогеографической теориям. Последняя, в частности, обосновывала прямолинейную и обязательную зависимость облика,

значении. Под общей редакцией П.П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского географического общества. В 12-ти т. (19 кн.). СПб.; М., 1881–1901. Т. V. Ч. 1. Малороссия, Подолия и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Херсонская и Киевская губернии). СПб.; М., 1897. С. 6; об этом же: *Чубинский П.П.* Малоруссы. С. 345; о том же очень часто — в описаниях малорусов. Хрестоматийное описание содержится в: Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867. С. 321.

⁴⁸ См., в частности: Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. С. 831.

⁴⁹ *Пантюхов И.А.* Значение антропологических типов в русской истории. С. 322–325.

⁵⁰ Россия. Племенной состав // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. В 20-ти т. СПб., Лейпциг, 1900–1907. Т. 16. СПб., 1904. С. 459.

склада характера и типа хозяйственной деятельности от природных условий — следовательно, приобретение славянами Восточной Руси некоторых качеств, умений и черт психотипа финно-угров вполне могло быть объяснено влиянием природно-климатических факторов, сходно воздействовавших на представителей разных племен. Так полагал, в частности, этнограф-славянофил А.Ф. Риттих, подчеркивавший, что предприимчивость, сметку и крепость духа великорусы обрели, осваивая земли обитания финских народов⁵¹. О том же писал В.О. Ключевский в своем очерке о характере великоросса⁵².

Ключевский усматривал воздействие финского («чуждого») элемента во внешнем облике, говоре, обычаях и нраве великорусов — то есть во всех «физических и нравственных особенностях» племени⁵³. Соответственно, некоторые исследователи настаивали, что великорусов как антропологического типа попросту не существует⁵⁴, ибо факт, что «великорусская народность образовалась из смешения славянских поселенцев, пришедших с запада и юго-запада с различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими»⁵⁵ рассматривался как этноисторический; дискуссии шли вокруг последствий и степени заимствований в разных областях (во внешнем облике, характере, склонностях и пр.). Так, А.П. Щапов, рассуждая об истории великорусского народа, сформулировал проблему более жестко, предлагая различать политическую историю «жителей Русской земли», подданных Московского / Российского государства (то есть русской нации), и этнографическую историю великорусского племени (то есть великорусского

⁵¹ Риттих А.Ф. Этнографические очерки Харьковской губернии. Харьков, 1892. С. 8.

⁵² Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 295–297.

⁵³ Там же. С. 299–303.

⁵⁴ Богданов А.П. Антропологическая физиогномика // Русская расовая теория до 1917 г. Вып. 1. С. 130, 134.

⁵⁵ Реклю Э. Европейская Россия // Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. В 19-ти т. СПб., 1877–1896. Т. V. Вып. II. СПб., 1883. С. 15.

этнуса): «Когда мы говорим — история великорусского народа, то ... прежде всего рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда, обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться ... с многочисленными, разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые и доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народонаселения? Будет ли та история одного великорусского народа, когда мы неизбежно будем говорить о целых царствах инородческих...»⁵⁶. (Однако Шапов выделяет и общее поле этих двух историй: «первый результат» смешения славян и финно-угров на землях Северо-Восточной Руси он усматривает в «единогласном призвании князей»⁵⁷.) И сорок лет спустя А.А. Ивановский, исследовавший уже строго научными антропометрическими методами физические типы народов России, утверждал: «Русские, соприкасаясь на громадном пространстве своего расселения с целым рядом инородческих племен, во многих местах успели подвергнуться большему или меньшему влиянию инородческой крови, и анализ физических черт русских, произведенный только на них одних, не был бы в состоянии с необходимой точностью уяснить ... значение всех тех элементов, из которых слагается тот или иной антропологический тип»⁵⁸. В конце XIX в. категорично высказался на эту тему П.Н. Милюков — представитель новой генерации историков: «Гораздо больше, чем “кровь”, в создании современных национальностей должна была участвовать “природа”, окружающая обстановка, т. е. главным образом климат, затем почва и другие географические условия»⁵⁹.

⁵⁶ Шапов А.П. Вступительная лекция А.П. Шапова, читанная им в Университете 12 ноября 1860 г. // Шапов А.П. Неизданные сочинения. Казань, 1926. С. 15.

⁵⁷ Там же. С. 16.

⁵⁸ Ивановский А. Об антропологическом изучении инородческого населения России // Русский антропологический журнал. 1902. Кн. IX. Т. 1. № 3. С. 114.

⁵⁹ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. В 4-х ч. СПб., 1896–1903. Ч. 3. Вып. 1. Национализм и общественное мнение. СПб., 1901. С. 4.

Лингвистическая классификация восточнославянских языков / наречий и ее влияние на формирование так называемых национальных проектов (украинофильства и западнорусизма)⁶⁰

В начале XIX в. классификации языков и наречий племен Российской империи Е.Ф. Зябловский использовал два критерия: антропологический и лингвистический, однако второй считал более важным (он «достовернее»⁶¹): «Разделение народов основано наипаче ... на разнице языков»⁶². Важным критерием является понимание устной речи, что влияет на избрание «господствующего», то есть государственного языка: в России «говорят российским как господствующим языком, разделяющимся на некоторые наречия, но не столь отдалившиеся между собою, как, например, в Немецкой земле: поелику нимало не препятствуют оные новгородцу разуметь сибиряка, а сему малороссиянина и белоруса»⁶³.

Еще одним ключевым вопросом этого времени стала проблема соотношения церковно-славянского, славянского и русского (словено-русского / славяно-российского) языков⁶⁴. М.Т. Каченовский, возводя появление славянских народов в Европе к V–VI вв. н. э., полагал, что они говорили уже на различных, хотя и близкородственных, наречиях, отличных от первоначального славянского языка⁶⁵,

⁶⁰ Данный параграф представляет собой краткое изложение истории языковых восточнославянских классификаций из: *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Очерки конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. Гл. 3.

⁶¹ *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. В 6-ти ч. СПб., 1810. Ч. 2. С. 4.

⁶² Там же.

⁶³ *Зябловский Е.Ф.* Новейшее землеописание Российской империи. В 2-х т. СПб., 1807. С. 140.

⁶⁴ *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825. СПб., 1904. Т. 1. С. 772–773.

⁶⁵ *Каченовский М.* О славянском и в особенности церковном языке // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. VII. Кн XI. С. 5–27.

от которого произошли все современные славянские языки, и русский в том числе. В IX в. н. э. в первых славянских государствах также говорили на наречиях «ныне нам неизвестного коренного славянского языка»⁶⁶, а «церковный язык ... сделался книжным или письменным ... уже из наречия, а не из коренного, не из первобытного языка славянского»⁶⁷. С.К. Булич отмечал, что эту версию о двух языках, книжном церковно-славянском, более близком к коренному славянскому, и «русском особенном наречии», разделял и Н.М. Карамзин⁶⁸. М.Т. Каченовский, однако, принимал мнение чешского ученого Й. Добровского, что «нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие»⁶⁹. С этим категорически не соглашался К.Ф. Калайдович, убежденный в том, что и разговорный сербский так же отличается от языка церковной службы, как русское наречие⁷⁰.

Н.И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы»⁷¹ тоже подробно останавливается на проблемах лингвогенеза. Резюмируя общее состояние научных представлений о нем, он утверждал, что славянский язык имеет общее «азиатское» происхождение с другими европейскими языками. В глубокой древности существовало, по мнению Греча, одно наречие, позже разделившееся на две группы: восточное (славянское) и западное (антское)⁷², от которых уже сформировались многочисленные «отрасли». В составе славянской группы Греч выделял восточную и западную отрасли, к первой относя русский, церковно-славянский,

⁶⁶ Каченовский М. О славянском и в особенности церковном языке // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. VII. Кн XI. С. 16.

⁶⁷ Там же. С. 15.

⁶⁸ Булич С.К. Очерк истории языкознания. С. 775.

⁶⁹ Каченовский М. О славянском. С. 26.

⁷⁰ Калайдович К.Ф. О древнем церковном языке славянском // Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. 1822. Ч. XXII. С. 57–71.

⁷¹ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.

⁷² Там же. С. 11.

сербский (состоящий из сербского, боснийского болгарского, славонского, долматского, черногорского и др. наречий), кроатский и крайнский языки.

Интересна проведенная Гречем классификация русских наречий. Главным он объявлял великороссийское наречие, кроме него отмечал еще несколько «второстепенных», из которых «важнейшим» представлял малороссийское, «различествующее от главного многими выражениями, оборотами и грамматическими формами»⁷³. На белорусском наречии, по мнению ученого, говорят жители Волыни и Литвы, и то же наречие, именуемое «русским», было книжным языком некоторых писателей XVI–XVII вв. Близкими к великороссийскому наречию и мало отличными от него Греч считал суздальское, олонекское и новгородское⁷⁴. Великороссийское и малороссийское наречия, таким образом, выступают как равные единицы одного языка — в сущности, представляя в качестве диалектов русского, однако их статус различен. «Великороссийское наречие» у Греча, как видим, содержательно совпадает с московским.

Одна из серьезных, но далеко не первая из научных классификаций и описаний языков в России была опубликована в работе 1820 г., ее автором был Ф.П. Аделунг⁷⁵. Он относил «русские наречия» к славянской группе и полагал, ссылаясь на труды А.С. Шишкова, что их существует всего два: суздальское и украинское. П.И. Кеппен в своем критическом обозрении труда Аделунга подчеркивал, принимая норманскую теорию происхождения руссов, что «коренной славянский язык наш везде претерпел изменения, соответственно обстоятельствам мест и времени», но самые главные «изменения произошли ... от языка древних руссов, коих норманские или скандинавские слова ... заступили место славянским»⁷⁶. Он считал, что изменения

⁷³ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. С. 12–13.

⁷⁴ Там же. С. 14.

⁷⁵ Аделунг Ф.П. Обзорение всех языков и наречий. СПб., 1820.

⁷⁶ Обзорение всех языков и наречий, составленное Ф.П. Аделунгом. Донесение П.И. Кеппена. СПб., 1820. С. 22–23.

этого славянского языка в разных регионах Европейской России происходили по-разному, в зависимости от включения в его состав слов неславянских языковых групп — простым, механическим заимствованием. Поэтому Кёшпен предполагал, что под «кривичским» Аделунг, скорее всего, понимал наречие, употребляемое в Белоруссии. Сам Кёшпен представлял его как «нечто среднее» между малороссийским и польским⁷⁷, а малороссийскому приписал включение множества слов «немецкого происхождения», а также влияние «латинского языка науки»⁷⁸. В том говоре, который можно соотнести с собственно великорусским (суздальским), он усматривал еще один источник «слияний» — язык завоевателей (татар и монголов): «северная или, лучше сказать, собственно так называемая Великороссия и в особенности восточные губернии оной, более приняли слов татарских, нежели Малороссия»⁷⁹. Разумеется, что и «финские, и чудские слова» также не могли «не войти в слияние» со славянским в еще более ранние времена. В такой интерпретации 1820-х гг. отчетливо прослеживается теоретическая схематизация, присущая и разработке этнических иерархий: близкородственные региональные этнические группы трактовались как образовавшиеся в результате завоевания одним народом другого или физического «смешения» разных племен. А языки, согласно этой логике, также могли формироваться путем «смешения» — то есть активного заимствования.

Однозначно установить место русского / российского языка в этой системе к 1820-м гг. не удалось. Самой сложной и спорной частью идентификации языка была методика выявления заимствований: на рубеже веков она опиралась на сравнительный анализ в первую очередь лексического состава. Сравнением языков, казавшимся

⁷⁷ Обзорение всех языков и наречий, составленное Ф.П. Аделунгом. Донесение П.И. Кёшпена. С. 22.

⁷⁸ Там же. С. 24.

⁷⁹ Там же. С. 23.

довольно очевидным и простым способом идентификации племенного и лингвистического родства, руководствовались многие и разные по уровню компетентности авторы 1820-х — 1830-х гг.: обнаружив какие-либо сходства между языками, они объявляли их заимствованием, в особенности если оно могло быть подтверждено известными историческими процессами (завоеваниями, некогда общей государственностью, длительным соседством и т. п.). Свое мнение о происхождении языков на основании «смешения» высказывали как историки и филологи, так и наблюдатели и путешественники (ученые и обыватели), опираясь на сравнение и с родственными, и с инородными языками. Обнаружение «чуждых» слов давало основания полагать, что они заимствованы, а их значительный количественный состав порождал заключения о «промежуточном», переходном характере, несамостоятельности языка. В первой половине столетия считалось возможным установить «коренные» и привнесенные элементы в родственных славянских языках, не прибегая к специальным аналитическим процедурам, а опираясь исключительно на собственный опыт и произвольное сравнение со своим родным языком — оценивая в первую очередь понятность и фонетические особенности речи, — то есть по «внешним», «на слух», признакам. Наблюдатель воспринимал их как отличные от «своей» речи или непонятные (такая квалификация была явно произвольной, поскольку диктовалась субъективными представлениями о языковой норме — как литературной, так и разговорной). Здесь можно провести аналогию с установлением путешественником этнической принадлежности изучаемого объекта на основании собственного визуального наблюдения; «на глаз», как полагали народоописатели вплоть до конца XIX в., возможно определить этнического «своего» и «чужого», а по физическому облику и костюму — выявить региональные инварианты этнического типа и даже близкое или дальнейшее родство племен / народов. Следует подчеркнуть, однако, что сравнительно-исторические исследования языков отнюдь

не ограничивались сопоставлением лексики, гораздо более важную роль играли морфология и фонетика, но для не искушенных в филологических изысканиях авторов такой анализ не был доступен.

Так порождалась свобода не только идентификации и утверждений, но и оценок (чистые и смешанные языки и физические типы). Путешественник и автор записок о Малороссии А.И. Левшин, например, не приводя никаких дополнительных аргументов, кроме понятности для «великороссиянина» (то есть его самого), постулировал: малороссийский язык происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину»⁸⁰. Отношение к малороссийскому наречию как к русскому, «испорченному» польским влиянием, было довольно распространено в первой трети XIX в. Так, малороссийское наречие объявлялось занимающим «середину» между польским в связи с тем, что в него вошло множество польских слов и оборотов⁸¹; или же «русским, испорченным внешним влиянием»: «В Малороссии и за Днепром вследствие господства польского языка явилось искажение русского языка», в то время как язык славянский оставался в церковных книгах⁸².

Н.И. Греч в «Опыте истории русской литературы» писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в Юго-Западной России, и может даже называться областным польским»⁸³. Издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин характеризовал малороссийский язык как довольно звуч-

⁸⁰ Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 78.

⁸¹ Каченовский М. Рец. на: Исследования банного строения, о котором повествует летописец Нестор. СПб., 1809 // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. Кн. 1. С. 60–70.

⁸² Каченовский М. Взгляды на успех российского витийства в первой половине истекшего столетия // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. I. Кн. XI. С. 24.

⁸³ Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. С. 12.

ный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский; различия между русским и малороссийским Свиньин объяснял не западным, польским, а татарским влиянием: в нем он обнаружил обилие «принятых им татарских слов»⁸⁴. И позже И.А. Кулжинский также усматривал в малороссийском «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»⁸⁵. Закономерным казался в этом случае и вывод о том, что «по присоединении Малой Руси к Великой влияние польской словесности ощутительно ослабевало»⁸⁶.

Через год, в статье для Энциклопедического лексикона (1837), Н.И. Надеждин идет дальше. Ссылаясь на классификацию славянских языков, сделанную чешскими учеными, и опираясь на укрепившуюся концепцию о лингвистическом факторе как решающем для определения этнической идентификации племени, он без всяких комментариев отождествляет позицию племени в этнической иерархии с положением его наречия в лингвистической системе. Иначе говоря, народу соответствует язык, племени в составе народа — наречие. Считая необходимым привести установившуюся в современной науке точку зрения, Надеждин приводит мнение критиковавшегося им ранее Й. Добровского о делении языков и переносит его на племена: относит славяно-руссос (или «просто русских, как он (народ. — *М. Л.*) зовет сам себя»⁸⁷) «к юго-восточному племени всего семейства славян», иначе называемого «антским» — в отличие от северо-западного, или собственно славянского⁸⁸.

⁸⁴ Свиньин П.П. Из живописного путешествия по России. Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42 (№ 120). С. 34.

⁸⁵ Кулжинский И. Южнорусский элемент как предмет торговли // Кулжинский И. О зарождающейся, так называемой, малороссийской литературе. Киев, 1863. С. 20.

⁸⁶ Каченовский М. Взгляды на успех российского витийства. С. 27.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 265.

Однако тут же оспаривает данную концепцию, вновь заявляя, что «все заставляет признать в славяно-руссах особое, самостоятельное племя славян: племя восточное, равно-степенное и юго-западному ... и северо-западному»⁸⁹. Обширное пространство и активное расселение, утверждает Надеждин, не могли не привести к контактам с народами «чуждого происхождения», что сформировало «разные поколения» этого восточного славянского племени. Наибольшее число «характеристических особенностей» получило то из них, что сложилось на северо-западе, оно и составило нынешний «великороссийский народ», отличный от малороссийского (на юго-западе) и белорусского (на севере). Таким образом, Н.И. Надеждин в этой статье представляет череду последовательных отождествлений, которые, не вступая в значительное противоречие со схемами эволюции языков и племен (ранее предлагавшимися различными исследователями), создают принципиально новое качество. Лингвистическая единица соответствует племенной (то есть этнической) общности; следовательно, элементы первой можно соотнести с элементами второй. Важно подчеркнуть, Надеждиным в данной работе впервые использована собственная, отличная от чешских авторов, этнографическая таксономия: семейство (славяне) — племена (восточное или славяно-русское, юго-западное и северо-западное), каждое из которых состоит из поколений или народов. Так оказывается, что восточное, или славяно-русское, племя подразделяется на три *поколения*, или *народа*.

Интересно, что собственно языковая классификация русского племени, соответствующая этнографической, помещена Надеждиным в другую часть статьи, после подробного этнографического очерка. В ней говорится, что «великорусский язык нельзя назвать наречием; это особая ветвь славяно-русской речи. Он отличается от малороссий-

⁸⁹ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 265.

ского и белорусского не только грамматическими особенностями в словопроизводстве и словосочинении, но даже резкою своеобразием в самой физиологической организации звуков»⁹⁰. «Отделение великороссийского языка произошло не от случайной примеси чуждых, иноязычных элементов, а было естественным следствием влияния северной природы...»; «славяно-русская основа гораздо в нем чище»⁹¹. Однако такой же явственной системы терминов, как в этнографической таксономии, в языковой надеждинской системе отчетливо не прослеживается. В частности, довольно трудно установить закономерность применения им терминов «язык», «наречие» и «речь» в определениях русского и великороссийского.

В этой же статье Надеждин окончательно формулирует идею, которую он впервые высказал годом ранее: «Русская речь отличается от прочих славянских языков тем, что занимает средину между двумя обширными ветвями, на которые разделил их Добровский и вслед за ним Шафарик»⁹², ведь «отличительные признаки обоих родов славянских наречий, юго-восточного и северо-западного ... встречаются совокупно в языке русском. И нигде это совмещение ... не обнаруживается ярче, как собственно у великороссиян...»⁹³.

Высказывается Надеждин и по поводу другой актуальной проблемы — о соотношении церковно-славянского и великорусского языков. «По причине сосредоточения первой книжной образованности в духовенстве, распространявшейся на северо-восток с юга, из Киева, язык великороссийский долго не был письменным. Древнейшие новгородские памятники ... обнаруживают господствующее влияние южно-славянского характера в правописании и словосочи-

⁹⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 273.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 273–274.

⁹³ Там же. С. 274.

нении, которое, однако ... все более слабеет, по мере усиливающегося расторжения политических связей восточной Руси с Киевом», а позже «Москва сделалась колыбелью самобытного ... великороссийского языка как в живой речи, так и на письме». Таким образом, он отождествляет русский и великорусский языки на определенном историческом этапе. Со времени правления Дмитрия Донского, считает Надеждин, официальным письменным языком документов становится великороссийский, «с небольшими церковно-славянскими промолвками»⁹⁴. Довольно долго, как полагал автор, великорусская речь развивалась стихийно, без грамматик, а великороссийский язык был областным до XVIII в.⁹⁵ В этом он, несомненно, опирался на бытовавшее в российской науке мнение, сформулированное еще в 1820 г. А.Х. Востоковым, который аргументировал гипотезу о выделении русского языка из церковно-славянского и складывании его в новом виде на «среднем» этапе эволюции именно при Дмитрии Донском, считая, что «новейший этап» его развития наступает в XVIII в.⁹⁶

Проблема лингвистической классификации, столь однозначно решенная Н.И. Надеждиным в декларативной форме — о выделении русского языка в отдельную группу славянских языков, явно требовала более тщательного научного рассмотрения. Особенно важное место рассуждения о позиции русского языка в системе славянских языков занимали в статье (1838)⁹⁷ М.А. Максимовича. Критикуя систематизацию славянских языков Й. Добровского и П. Шафарика, он, ссылаясь на рассмотренные выше ста-

⁹⁴ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 274.

⁹⁵ Там же. С. 276.

⁹⁶ Востоков А.Х. Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оною письменным памятникам // Востоков А.Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 13.

⁹⁷ Максимович М.А. Критико-историческое исследование о русском языке (1838) // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Киев, 1880. С. 3–24.; Максимович М.А. Начатки русской филологии // Там же. С. 25–155.

тьи Н.И. Надеждина и «Историю Богемии» Ф. Палацкого (в которой тот, по его мнению, помещал русский язык в отдельную, третью, названную им восточной, группу славянских языков, наряду с юго-западной и северо-западной), одобрял эту новую классификацию. Однако Максимовичу все же не импонировало включение русских языков в самостоятельную ветвь под именем восточнославянских, он остановился на двучленной схеме («двух половин» «словенских языков»): восточного, или русского, «разряда» и всех остальных, именуемых западным «разрядом»⁹⁸. Максимович настаивал на том, что язык русский следует рассматривать «наравне с языками юго-западного разряда, как самостоятельную (восточную) половину всего круга языков словенских...»⁹⁹. Носителей языка он распределил на две соответствующие группы: северо-восточные словены (северные руссы), подразделяемые на носителей великорусского и литовско-русского или белорусского языков, и юго-восточные словены (или южные руссы), говорящие на южнорусском языке, разделяющемся на малороссийское (украинское) и червонорусское (галицкое) наречия¹⁰⁰. Таким образом, получается, что русский язык состоит из трех языков, один из которых включает два наречия. Сам термин «наречие» применительно к южнорусскому языку был для Максимовича неприемлем, поскольку в его понятийной системе обозначал «диалект»¹⁰¹. Классификация Максимовича исходила из его видения истории восточнославянских племен¹⁰².

⁹⁸ Термин «разряды», однако, появляется у него в статье «Начатки русской филологии».

⁹⁹ Максимович М.А. Критико-историческое исследование. С. 23.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 23.

¹⁰¹ Максимович М.А. Начатки русской филологии. Статья вторая. О степенях сродства между наречиями // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. С. 58–59.

¹⁰² Максимович М.А. Откуда идет русская земля, по сказанию несторовой повести и по другим старинным писаниям и рукописям (1837) // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876. Т. 1. С. 5–92; Максимович М.А. О происхождении варяго-русов (Письмо к М.П. Погодину) // Там же. С. 93–110.

Русские / восточные языки, таким образом, оказываются одной из двух славянских групп. Иначе говоря, в этом делении русский язык тоже «повышает» свой статус — как в сравнении с классификацией Шафарика, так и в сравнении с делением Надеждина. Выделяя русский язык в самостоятельную таксономическую единицу, Максимович, кроме того, решительно настаивает на том, что малороссийское наречие есть «*язык особый*». Поэтому языки «восточных или русских словен» делятся им на два разряда и три языка: 1-й разряд — северно-русский, или северо-восточный, состоящий из: а) великорусского *языка* с четырьмя наречиями; б) литовско-русского, или белорусского, *языка*, и 2-й разряд — южнорусский, или юго-восточный, к которому принадлежит третий (южнорусский) *язык* с двумя наречиями¹⁰³ (выделено автором. — М. Л.). При этом Максимович ссылался на утверждение Надеждина, который подчеркивал, что язык великороссиян следует именовать не наречием, а языком.

В статье «О системе славянских наречий» (1845) Максимович строил аргументацию с опорой именно на указанную рецензию И.И. Срезневского, по-прежнему не разделяя предложенного им деления¹⁰⁴. Он скорректировал собственную классификацию славянских языков в 1838 г., несколько упростив структуру: отказавшись от трехчастного деления, возвратился к раннему двучастному, отвергнув излишне дробное разделение каждой из частей. Теперь русская речь состоит у него из южнорусской (то есть малорусской) и севернорусской (то есть великорусской) ветвей, каждая из которых делится на два наречия. Первая — на украинское и северское, вторая — на великорусское и белорусское, в которых можно выделить подречия более низкого уровня¹⁰⁵.

¹⁰³ Максимович М.А. Критико-историческое исследование. С. 8.

¹⁰⁴ Максимович М.А. Начатки русской филологии. Статья первая. О системе славянских наречий. С. 45–46.

¹⁰⁵ Там же. С. 46–48.

В своей более поздней работе 1849 г. филолог писал о двух главных русских наречиях (северном / великорусском и южном / малорусском), каждое из которых он также делил на восточный и западный подвиды. Однако, в отличие от Максимовича, Срезневский именовал их наречиями, а не языками. Стоит отметить, что в его терминосистеме такое наименование было значимым и он довольно четко иерархизировал данные таксономические единицы. Критериями для него выступали время и истоки формирования степени различий: «Давни, но не испоконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уж давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственное великорусское и западное — белорусское, а на юге наречие восточное — собственно малорусское и западное — русянское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских ... нимало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа... Их несходство вовсе не так велико, как может показаться...»¹⁰⁶. Следует заметить, что и в 1878 г. А.С. Будилович согласится с мнением своих предшественников — Надеждина, Срезневского и Максимовича — в вопросе выделения русского языка в отдельную группу славянских языков (восточную), но все в той же двучленной системе славянских наречий — в то время как в российском языкознании восточнославянская группа уже рассматривалась (наряду с южно- и западнославянской) как одно из трех славянских наречий¹⁰⁷.

В статье Надеждина о предмете и методах исследования народности язык также был признан важнейшим критерием внешней этнографической идентификации человеческих сообществ: «До сих пор ... не открыто другого вернейшего и удобнейшего средства различать и опо-

¹⁰⁶ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. С. 34–35.

¹⁰⁷ Будилович А.С. Введение // Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикографии. Киев, 1878. Ч. 1. С. X.

знавать “народы”, как по их “языку”»¹⁰⁸. Надеждин указывал на строгое соответствие уровней развития языка этапам эволюции «народности» (от больших общностей к их составляющим): народы, поколения, племена обладают соответственно языками, наречиями и подречиями¹⁰⁹. В «этнографической лингвистике» или «лингвистической этнографии» (то есть «в этнографическом изучении языка») Надеждин видел одну из отраслей этнографической науки и предписывал ей решение нескольких задач. Во-первых, создание языковых классификаций и приведение их в соответствие с этническим делением. Во-вторых, он уточнял, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком народности», поэтому необходимо осуществить процедуру различения в языке и в самой литературе «языка по преимуществу народного» и литературы «в ... собственном смысле “народной”»¹¹⁰. Предмет этнографического изучения Надеждин ограничивал «устным словом», «живым языком» во «всенародном», «простонародном» употреблении.

Важно подчеркнуть, что вопрос о языке оказывался главным и в наиболее сложном и актуальном для русской науки периода нацистроительства процессе изучения русского народа как единого этнокультурного целого, разделяемого, тем не менее, на несколько групп в соответствии с главным критерием — языковым. Наиболее сложным и противоречивым уже на этом этапе становится толкование языковых элементов как частей единого целого, выражающих состав и родство, и в первую очередь — трактовка языка и наречия.

В Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова указывалось, что точную датировку выделения русского из других славянских наречий установить невозможно, но

¹⁰⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. 1847. Кн. 2. С. 67.

¹⁰⁹ Там же. С. 68.

¹¹⁰ Там же. С. 69.

что оно произошло не ранее середины XI в. — то есть относилось к периоду появления первых известных русских письменных памятников. Время складывания наречий русского языка также неизвестно, но схема разделения представлена следующая: с древнейших времен существуют три группы говоров, именуемых по географическому расположению территорий их носителей: северная, южная и средняя. Из этих групп в XIV–XVI вв. формируются три русских наречия: великорусское, малорусское и белорусское. Однако они не являют прямого соответствия: каждое из наречий складывалось при смешении групп говоров¹¹¹. В статье для Настольного энциклопедического словаря дана иная, «более старая», версия: в XIV в. русский язык подразделялся на юго-западную и северо-восточную «части», из первой образовалось малорусское наречие, вторая около XV в. «выделила из себя» великорусское и белорусское, а в следующем столетии все три наречия окончательно приобрели свои специфические отличительные черты¹¹².

В 1860-е гг. в российской публицистике стала преобладать концепция взаимообусловленности этнической и языковой иерархий. Наиболее распространенной была идея о том, что самостоятельный (национальный) язык есть свидетельство высокого развития национального самосознания и определенной стадии развития духовной жизни. Это косвенным образом ставило народ (носителя устной его формы, то есть наречия), не сформировавший лингвистических норм, на более низкую ступень в этнической иерархии. Применительно к малороссийскому языку / наречию эти стереотипы в полной мере выразил А.П. Милюков. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х гг., он писал: «Местные патриоты уве-

¹¹¹ Россия. D. Русский язык и литература // Настольный энциклопедический словарь. Издательство бр. А. и И. Гранат и Ко. В 8-ми т. М., 1891–1903. Т. VII. М., 1896. С. 4324; Русский язык // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. В 20-ти т. СПб.; Лейпциг, 1900–1907. Т. 16. СПб., 1904. С. 635.

¹¹² Россия. D. Русский язык и литература. С. 4324.

ряют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский, и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое — самостоятельным языком». В этих словах ясно прослеживается отношение автора к языковой и этнической иерархии: народ (этнос) обладает языком, «отрасль» народа (субэтнос) — наречием.

Немаловажным было понимание статуса языка с точки зрения его коммуникативной престижности, использования его в сфере управления, права, в школе и т. п. «Украинцы, говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения, теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Владение официальным «языком власти», таким образом, становилось символическим капиталом его обладателя. «Эту монополию, — продолжал Милюков, — дал русскому языку не “кружок патриотов”, а “ход самой истории”». В доказательство он приводил европейские соотношения между литературными языками и наречиями, обусловленные племенной принадлежностью и государствообразующим народом: между английским языком и шотландским наречием, а также между итальянско-флорентийским языком и пьемонтским и неаполитанским региональными вариантами. Таким образом, по мнению автора, «в истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно так же, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским»¹¹³.

В середине XIX в. отчетливо проявилась еще одна тенденция: языковая и так называемая «расовая» (то есть

¹¹³ Милюков А. Вопрос о малороссийской литературе // Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления. Критические очерки. СПб., 1875. С. 131–132, 141–142.

антропологическая) классификации могли не только совпадать, но и восприниматься как определяющие место этнической группы / племени / народа / нации в системе, структурирующей разнообразие человеческих сообществ и типов. С одной стороны, это объясняется распространенной концепцией об абсолютном превосходстве языкового критерия над другими, с другой — генетическая классификация языков, складывавшаяся на протяжении 1840-х — 1860-х гг., во многом корректировала имевшиеся представления о родстве или исторической общности разных групп. Характерным примером такого подхода является учебное пособие по этнологии (1863) Ч. Брейса¹¹⁴. Он был убежден в том, что только лингвистические особенности дают точную картину происхождения группы, поскольку антропологический тип со временем может сильно видоизмениться или даже коренным образом поменяться, в то время как язык не подвергается столь быстрым изменениям. Для Брейса этнология была наукой о расах, но этнографическая классификация осуществлялась исключительно по лингвистическим критериям, а в ее основу была положена классификация языков М. Мюллера. Что касается славянских языков, автор следовал в их классификации за П. Шафариком.

В 1861 г. вышла книга немецкого ученого А. Шлейхера¹¹⁵, которую считают обобщающей в сравнительно-историческом языкознании. В основу своей концепции генезиса и эволюции языков Шлейхер положил естественно-научную теорию развития. Он представил классификацию на основании принципов дарвинизма («естественной системы»). Теория Ч. Дарвина задала и лексикон описа-

¹¹⁴ *Brace Ch. L. The Races of the Old World. A manual of Ethnology. NY, 1863. P 13–15.*

¹¹⁵ *Schleicher A. Compendium der verglichenen Grammatik der indogermanischen Sprachen. Böhlau, 1861. Перевод на русский язык: Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики европейских языков // Филологические записки. Воронеж, 1865; Звегинцев Е.А. История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1964. Гл. 3.*

ния языков — по образцу типологии «царства естественных организмов»¹¹⁶. «То, что естествоиспытатели называли бы родом ... именуется ... племенем; роды, более сродственные между собою, называются иногда семействами одного племени языков... Виды одного рода у нас называются языками какого-либо племени; подвиды — у нас диалекты или наречия известного языка; разновидностям соответствуют местные говоры или второстепенные наречия; наконец, отдельным особям — образ выражения отдельных людей, говорящих на известных языках»¹¹⁷. Языковая система представляла собой родословное древо, а потому наименование языковых единиц осуществлялось при помощи категорий родства: «организм» языка, языковые «роды», «семьи» и «ветви». Языки, возникшие первыми из праязыка, Шлейхер называл языками-основами; почти все они разделяются позже на языки, которые, в свою очередь, могут далее распадаться на диалекты, а последние — на поддиалекты¹¹⁸, при этом со временем «языки расходятся, но не сходятся». Языковым родом / древом он именовал группу языков, происходящих из одного праязыка. Древо, в свою очередь, состоит из семей или ветвей. Балто-славянские языки составляли одну группу, из которой позже выделились славянские. Славяне, согласно этой классификации, вновь, как и ранее, включали две подгруппы: юго-восточную (с русским языком, подразделяющимся на русский и малорусский) и западную.

В 1860-е — 1870-е гг. можно отметить появление полярного расхождения мнений относительно значимости языкового критерия для установления этнической принадлежности. Если М.П. Погодин (1859) был по-прежнему убежден в том, что только «язык ... естественная граница

¹¹⁶ Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публичное послание доктору Эрнсту Геккелю, э. о. профессору зоологии и директору зоологического музея при Иенском университете. СПб., 1864.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Введение // Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики европейских языков.

народов. Где говорят по-польски — там Польша, где говорят по-русски — там Россия»¹¹⁹, не отказываясь от своей уверенности, что определить язык можно даже без особых лингвистических исследовательских процедур, а Н.И. Соловьев считал аксиомой прежние заключения о том, что язык — главный критерий национальной принадлежности¹²⁰, то в нормативном тексте — Словаре под редакцией И.Н. Березина (1879) — мы находим утверждение, что «в некоторых случаях именно при сходстве физического типа язык тоже может служить доказательством принадлежности народов к одному общему отделу человеческого рода, сам же по себе он еще ничего не доказывает и не решает вопроса»¹²¹.

Известный славянофильскими взглядами исследователь А.С. Будилович в 1875 г. опубликовал новый вариант «распределения славян» по государствам, народностям, вероисповеданию, «азбукам и литературным языкам», справедливо обосновывая актуальность этого издания тем, что прежние статистические данные (1843) П. Шафарика устарели. В табличный список «народностей» Будилович помещает «русских», к которым относит великорусов, малорусов и белорусов. В пояснительной записке указывается численность каждой из трех групп. Но в перечне литературных языков (наречий) только русский назван «языком», все остальные языки именуются «наречиями». Это довольно странно, если учесть, что в заглавии обозначен именно «литературный язык», а не язык вообще. Однако автор указывает главные, с его точки зрения, критерии отнесения языка к литературному: большое число носителей,

¹¹⁹ *Погодин М.П.* Польша и Россия [1859] // *Погодин М.П.* Соч. В 5-ти т. М., 1872–1876. Т. 5. Статьи политические и польский вопрос. М., 1876. С. 350.

¹²⁰ *Соловьев Н.И.* Язык как основа национальности. Статья первая // *Отечественные записки.* 1866. Февраль. № 2. Отдел I. С. 481–499. Соловьев подробно разбирает воззрения М. Миллера и солидаризируется с ними.

¹²¹ *Язык* // *Русский энциклопедический словарь* / Под ред. И.Н. Березина. В 16-ти т. СПб., 1873–1879. Отдел IV. Т. 4. СПб., 1879. С. 460.

древность источников на нем и «обработку» (здесь трудно точно установить, имеется ли в виду грамматическая разработка, словарная фиксация или же наличие литературного языка): «Из одиннадцати ... славянских литературных языков лишь один русский заслуживает этого названия, по своей распространенности, древности преданий и обработке. Все остальные суть собственно наречия, а не языки, лишь случайно возвысились они на степень органов литературных и с трудом удерживаются в этом звании при неравной борьбе с языками литературными мировыми»¹²². Таким образом, язык и наречие для Будиловича связаны с уровнем языкового развития и находятся в иерархической соположенности, что в очередной раз устанавливает различие статусов великорусского и малорусского наречий. Вызывает, однако, некоторое недоумение то, что польский язык к числу таковых в точной дефиниции Будиловича не относится «по умолчанию», а причины, по которым в данный перечень не вошел малороссийский язык (то есть отдельно от русского, как, например, кашубский, введенный в список отдельно от польского ввиду наличия у кашубского собственной «письменности»¹²³), по мнению автора, нуждаются в объяснении: «В числе этих литературных “языков” славянских нужно бы упомянуть еще о малорусском, который употребляется некоторыми писателями украинскими, галицкими и карпато-русскими... Но этот малорусский литературный жаргон не имеет определенной территории, на которой он был бы органом школ, судов и администрации. Поэтому трудно указать для этого языка границы его распространенности и число душ, для которых он служит литературным органом ... Вот почему “язык” этот опущен в наших таблицах»¹²⁴.

¹²² Статистические таблицы распределения славян а) по государствам и народностям; б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям) с объяснительной запиской, А.С. Будиловича. СПб., 1875. С. 18.

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 18.

В этом объяснении обращают на себя внимание две важные — отчасти противоречащие друг другу — детали. С одной стороны, связь с конкретным ареалом, на пространстве которого язык играет роль официально-государственного. С другой — трудность определения пространства распространения становится причиной изъятия малорусского языка из таблицы. А вот для В.И. Ламанского, в свою очередь, «удобнее всего» представлялось делить славян «и по историческим, и по географическим, и по лингвистическим признакам» на три группы: юго-западных, северо-западных и восточных (состоящих из трех племен)¹²⁵.

Однако в случаях, когда языковое родство было установлено довольно точно, — в частности, с финскими или славянскими народами — речь шла о так называемой «семье народов», и описание этносов осуществлялось по тому же делению. Этноты, принадлежность которых к тем или иным группам не была однозначно определена, объединялись по географическому региональному признаку — например, «народы Кавказа» или «татарские народы», к которым относили чувашей, туркмен и калмыков¹²⁶. К. Кюн, фиксируя роль антропологических признаков, доказывающих родство различных этнических групп, замечал: «Антропология, без сомнения, важна для историка. Эта наука, рассматривая человека как племенную особь, стремится дать правильное разделение рода человеческого по физическим признакам. Сначала делили по цвету кожи, потом приняли за главный признак череп, но и это оказалось неудовлетворительным, так как приходилось иногда разделять в разные отделы племени родственные по другим признакам. При таком несовершенстве антропологических классификаций строить выводы на них оказалось невозможным...»¹²⁷. Поэтому он считал лишь языковую принад-

¹²⁵ Ламанский В.И. Обзорение народностей и наречий славянских. Лекции, читанные В.И. Ламанским в семестре 1881/82 гг. СПб., 1882. С. 112.

¹²⁶ Мостовский М. Этнографические очерки России. С. 12.

¹²⁷ Кюн К. Народы России. СПб., 1888. С. 1.

лежность единственно верным основанием для классификации и разделял народы России по этому критерию, выделяя, в частности, русскую, латышско-литовскую, финскую, турецкую и татарскую группы племен.

При создании соответствующих разделов для самого значительного очерка «Россия» (1899) в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона возобладала точка зрения Д.Н. Анучина. Он считал необходимым разделить два очерка, «Россия в антропологическом отношении» и «Россия в этнографическом отношении»¹²⁸, с тем чтобы различать два вида классификации человеческих общностей. Первый представлял физическое и расовое разнообразие племен Империи, второй — этнографические характеристики народов, которые систематизировались в зависимости от их языковой принадлежности («этнографические типы определяются ... языком»¹²⁹). По этой причине антропологическая и лингвистическая классификации могут не совпадать. И ярким примером тому служит именно триединый «русский народ», который «в отношении языка, религии, быта, исторических судеб ... является явственно обособленным, как в его целом, так и в отдельных его подразделениях, а равно и в покоренных им инородческих племенах», а в антропологическом отношении «представляет ряд типов, распространяющихся и за пределы русской территории и вообще не зависящих от политических и историко-культурных условий»¹³⁰.

При этом даже в начале XX столетия можно наблюдать отождествление языка и племенного типа, что очень затрудняет точную интерпретацию классификации. Например, в работе (1909) антрополога И.И. Пантюхова о языке

¹²⁸ Россия. Население. В. Россия в антропологическом отношении // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XXVIIа (п/т 54). СПб., 1899. С. 128–139; Россия. Население. С. Россия в этнографическом отношении // Там же. С. 139–152.

¹²⁹ Россия. Население. В. Россия в антропологическом отношении // Там же. С. 128.

¹³⁰ Там же. С. 129.

и антропологических типах восточных славян говорилось: «По Далю и Н.И. Костомарову, в *племенных типах* славян VIII–X вв. было менее различия, чем впоследствии, а *наречия* их соединялись малозаметными переходами. Ильменских славян Костомаров считает потомками днепровских *полян* и основывает свое мнение, между прочим, на сходстве *произношения* ... По проф. М.П. Погодину, *тип полян и северян* – великорусский, а по М.А. Максимовичу – малорусский, причем он, однако, подсмеивается над В.Б. Антоновичем, выводящим его из Галиции. Соболевский, Ключаров, Срезневский в *наречиях* северных и южных славян также не находили большого различия» (курсив мой. – М. Л.)¹³¹.

Эти и другие примеры показывают, что существовало еще не кодифицированное, но уже сформировавшееся и имплицитно функционировавшее соответствие между иерархией этнических языковых групп, то есть между племенем и народностью / народом и языком, с одной стороны, и племенем и наречием, с другой. Непризнание малороссийского наречия языком означало в данном случае, что малорусская «ветвь» (как и великорусская и белорусская) не имеет статуса народа. Данное соответствие не воплотилось в формуле только потому, что само понятие «народ» в значении «нация» также находилось еще на начальной стадии складывания.

На наш взгляд, идейно-политические взгляды авторов, которые так часто расценивались учеными XIX–XX вв. как определяющие их отношение к языку¹³², сами по себе не могут рассматриваться как имеющие решающее значение — во всяком случае, в установлении позиции

¹³¹ Пантюхов И.И. Значение антропологических типов в русской истории // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. С. 319.

¹³² Наиболее важными, на наш взгляд, остаются труды А.Н. Пыпина (*Пыпин А.Н. История русской этнографии*), М.К. Азадовского (*Азадовский М.К. История русской фольклористики*. В 2-х т. М., 1958–1963) и С.А. Токарева (*Токарев С.А. История русской этнографии* (дооктябрьский период). М., 1966) — прежде всего главы и разделы о развитии украинской темы в российской историографии.

относительно малороссийского наречия / языка. Зато обнаруженные параллели между этнографическим и лингвистическим классифицированием убедительно свидетельствуют о том, что различие точек зрения в научной среде зависело от понимания сущности границ этнических групп, методов их определения и трактовки этничности. В меньшей степени они обуславливались политическими взглядами или этнонациональным происхождением исследователей.

* * *

Существенную роль в концептуализации этнической специфики каждой из «отраслей» русских сыграло характерное для европейского нацистроительства стремление интеллектуальной элиты общества зафиксировать свойства духа / характера / нрава / психологии народа как цельной социально-культурной группы социума, которой присущи свойства и признаки, передающиеся по наследству. Важнейшей процедурой стало сравнение трех родственных групп и установление их иерархии, а именно: сопоставление и различение (средствами внешнего наблюдения) «материальной» и «духовной» культуры трех русских «ветвей» — великорусов, малорусов и белорусов. На практике наиболее актуальным оказался процесс обнаружения этногенетических, политико-исторических, но в первую очередь — лингвистических и антропологических факторов, обусловивших отличия «севернорусской» (великорусов) и «южнорусской» (малорусов) этничности. Важно подчеркнуть, что белорусы в таких сопоставлениях почти всегда «выпадают» из этой главной для всех без исключения научных жанров и дисциплинарных описаний (географических, этнографических, языковых) методики определения этноспецифического через сравнение. Острополемическим и сразу приобретшим политический характер стал вопрос о соответствии этнографической и лингвистической классификаций велико- и малорусов (проблема номинации и статуса языка и наречий).

В большинстве нормативных текстов «русскость» выступает как категория, используемая для обозначения историко-политической (нация), а не этнокультурной (этнос) общности, главным достижением которой объявлялась способность к государствообразованию и сохранению независимости Империи. «Русские» в таком аспекте — господствующая в политическом и культурном отношении группа полиэтнической Империи и/или общее именование ее подданных. Термин использовался для определения вне- или надсословной идентичности народа, «избравшего» политической формой бытия самодержавную Империю. В этом смысле следует признать правоту утверждения Н.И. Ульянова о том, что русскость в общественных представлениях XIX в. в сословном и этническом отношении трактовалась шире «великорусскости»¹³³. Тенденция к отождествлению этнонимов «русский» и «великорусский» формируется начиная с 1870-х гг. в исторических и публицистических нарративах эпохи, но вплоть до 1890-х гг. в этнографических и антропологических текстах она маргинальна, так как в них различие этих двух наименований принципиально и обусловлено научной категоризацией понятий. Причины семантического сдвига, приведшего к устойчивой синонимии («великорус» = «русский»), трудно установить однозначно. Можно предполагать, что она была связана с: а) активизацией так называемых «национальных проектов» (прежде всего украинофильского) и б) явной тенденцией «назначить» великорусов не только титульным народом-нацией, но и единственным нацией-образующим этносом Империи (в чем можно усматривать стремление к сближению двух определений по смыслу).

Авторы, выступавшие сторонниками украинского национального проекта или поддерживавшие западнорусские либо белорусские националистические концепции раннего выделения белорусов или отождествления их с литвинами, — равно как и большая часть русских уче-

¹³³ Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Возрождение. 1967. № 185. С. 59–70.

ных, изучавших русских как интегрированную общность с региональными отличиями, — стремились к обнаружению и систематизации научной аргументации, позволявшей отстаивать политико-идеологические построения. При этом зачастую одни и те же факты или заключения узкодисциплинарных гуманитарных и социологических исследований предоставляли материал для прямо противоположных выводов. Причинами являлись не столько политизация науки или индивидуальные убеждения ученых, сколько состояние развития самой науки — трактовка ею предметного поля, методологии исследования и критериев верификации знания.